

MONGOLICA-VI

Посвящается 150-летию
со дня рождения А. М. Позднеева

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2003

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия

Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 02-04-16155д

Mongolica-VI: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 160 с.

М 77

Сборник посвящен 150-летию со дня рождения видного российского монголоведа, профессора кафедры монгольской словесности восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, а позже, в течение 20-ти лет, — директора Восточного института во Владивостоке, — Алексея Матвеевича Позднеева (1851—1920), оставившего большое научное наследие, подготовившего плеяду своих последователей монголоведов: историков, филологов, лингвистов, литературоведов.

В этом сборнике представлены статьи, главным образом петербургских и московских ученых, по проблемам, которые занимали А. М. Позднеева в разные этапы его научной деятельности.

В них развиты мысли, углублены гипотезы, предположения, наблюдения и выводы, высказанные ученым в своих трудах, посвященных истории, этнографии, религии монгольских народов.

«Монголика-6» имеет 4 раздела: «Источниковедение и историография», «Из рукописного наследия», «Литературоведение и фольклористика», «Из архива востоковедов», «Наши переводы».

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Корректор — *А. Востоковедова*

Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 20.05. 2003. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1032

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-250-8

9 785858 1032502

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2003

© И. В. Кульганек, составление, 2003

© «Петербургское Востоковедение», 2003

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

<i>И. В. Кульганек</i>	Предисловие	5
<u><i>Н. П. Шастина</i></u>	А. М. Позднеев. (Подготовка к печати, примечания <i>А. Г. Сазыкина</i>)	7
<i>В. Л. Успенский</i>	Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева	19
<i>И. В. Кульганек</i>	Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН	24
<u><i>И. И. Йорш</i></u>	Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева	26

Источниковедение и историография

<i>П. О. Рыкин</i>	Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст.	28
<i>Е. Н. Афонина</i>	К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)	39
<i>С. В. Дмитриев</i>	Атызы Йоллыг-тегин. Этнод из области тюрко-монгольской традиционной политической культуры	48
<i>В. Н. Митин</i>	Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941—1953 гг.	55
<i>А. Г. Юрченко</i>	Монгольская мужская прическа XIII века	63
<i>А. А. Бурыкин,</i> <i>О. Ю. Коробейникова</i>	Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века	69

Из рукописного наследия

<i>А. Г. Сазыкин</i>	Ойратская версия «Манджушри нама сангити»	73
----------------------	---	----

Литературоведение и фольклористика

<i>Б. М. Нармаев</i>	Гесар и ад	82
<i>А. Д. Цендина</i>	Куда исчез Джамуха?	86
<i>Л. Г. Скородумова</i>	Особенности беллетризации в современной монгольской литературе	91
<i>В. К. Шивялова</i>	Два варианта монгольской народной охотничьей песни	94

Из архива востоковедов

	Письма В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу (1925—1936 годы). (Подготовка к печати, предисловие и примечания <i>А. М. Решетова</i>)	96
<i>А. Г. Юрченко</i>	История изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини	114
<i>Я. П. Шишмарев</i>	Письма Я. П. Шишмарева к Н. М. Пржевальскую. (Подготовка к печати и примечания <i>А. И. Андреева</i>)	118
<i>С. А. Кондратьев</i>	Стихи о Монголии. (Предисловие <i>И. В. Кульганек</i>)	124

Наши переводы

<i>Л. Дашням</i>	Сон (рассказ), Четыре времени года и одно чувство (стихотворение). (Перевод с монгольского <i>Л. Скородумовой</i>)	135
<i>Д. Батбаяр</i>	Небо любимой (рассказ), прозаические миниатюры, афоризмы. (Перевод с монгольского <i>М. П. Петровой</i>)	137
	Монгольские народные песни. (Перевод с монгольского <i>И. В. Кульганек</i>)	142
<i>А. И. Андреев</i>	Открытие музея <i>П. К. Козлова</i>	144
	Рецензии	146

С. А. Кондратьев

Стихи о Монголии

С. А. Кондратьев — неутомимый исследователь Монголии, композитор и археолог, пианист и фольклорист, автор нескольких научных и научно-популярных трудов, оставил интересное рукописное наследие, которое включает прозу, поэзию, дневники, письма, воспоминания. Частично они хранятся в Архиве Института материальной культуры Санкт-Петербурга, Мемориальном музее П. К. Козлова, Архиве Института мерзлотоведения в Монголии, частных архивах бывших монгольских коллег по работе в Ученом комитете в Монголии и семейном архиве племянницы С. А. Кондратьева — Н. Н. Сафоновой (урожд. Павловой). Архивные материалы С. А. Кондратьева представляют большой научный интерес для исследователей многих сторон культурной жизни России.

В творческом пути С. А. Кондратьева отчетливо видны два этапа. Первый из них связан с активной научной деятельностью в Монголии. Он начался с экспедиции (1923—1926 гг.), организованной Русским Географическим обществом и возглавлявшейся П. К. Козловым — учеником и последователем великого русского путешественника Н. М. Пржевальского. После завершения экспедиции С. А. Кондратьев по приглашению видного бурятского ученого Ц. Ж. Жамцарано, который в это время практически возглавлял монгольскую науку, проработал еще пять лет в Ученом комитете Монголии, совершил ряд научно-исследовательских экспедиций по Хангаю, Хентэю, записывал и изучал монгольский фольклор. Итогом его многолетних исследований стала вышедшая посмертно монография «Музыка монгольского эпоса и песен».

Вторую половину жизни С. А. Кондратьев сосредоточил главным образом на музыке: работал в Московском малом драматическом театре, переводил с английского книги по теории музыки.

Предлагаемая для публикации тетрадь «Раздумья» включает стихи 1923—1938 гг., а также несколько стихов послевоенных лет. Главные темы тетради: Монголия, любовь, смерть, «Разлука». Она представляет собой почти готовую к изданию книгу стихов: есть оглавление, примечания, список монгольских слов с переводом, а в конце ремарка: «Мне хотелось бы, чтобы эти стихи были опубликованы в 1982 г.». Он немного не угадал судьбу своей тетради. При жизни стихи С. А. Кондратьев не публиковал.

Тетрадь была любезно предоставлена племянницей С. А. Кондратьева — Надеждой Николаевной Сафоновой, которая также консультировала по вопросам, касающимся биографии С. А. Кондратьева: его личной жизни и научной деятельности. Текст набран Сергеем Олеговичем Павловым — внуком Н. Н. Сафоновой, внучатым племянником С. А. Кондратьева.

Эта темно-вишневая тетрадь с золотой каемкой представляет собой рукопись из 143 страниц, написанную синими чернилами. Стихи занимают 138 страниц, оглавление с 139 по 142 с., список монгольских слов 142—143 с.

Большинство стихов в этой тетради относятся ко времени пребывания С. А. Кондратьева в Монголии в составе экспедиции П. К. Козлова и работы в Монгольском ученом комитете.

Некоторые стихи были напечатаны А. Л. Никитиным: Кондратьев С. А. Весна в Кентэе. М., 1996 и в книге, изданной Н. Я. Богатырем: Кондратьев С. А. Утешение. Стихи и баллады. Улан-Батор, 1999. Рукописная тетрадь, имеющаяся у нас, включает 57 стихов. Многие печатаются впервые: «Мальчику в день его рождения», «Не плачь», «Свеча», «Книге», «Борцу», «Упражнения в диссонах», «Надпись на книжке», «Метеор», «Капитан-Убийца», «Лето», «Человек», «Осень», «Из дневника рыбакова» и др. Стихи передают поэтическое восприятие Монголии русским интеллигентом начала XX в., человеком чрезвычайно чутким, высокообразованным, видящим действительность тонко и многозначно. Монголия в этих стихах предстает читателю удивительно объемной, оноэтизированной видением духовно богатого человека, каким был С. А. Кондратьев. Поэтические образы, создаваемые поэтом, будят желание ближе соприкоснуться с таинственной и манящей страной, возбуждают интерес своей экзотичностью. Стихи отличает стилистическая напряженность, логическая точность. Собранные в одной книге, они несомненно будут интересны не только профессионалам — востоковедам, но и всем, интересующимся историей, культурой и литературой своей страны, всем, неравнодушным к судьбе своего Отечества.

В шестом выпуске «Mongolica» мы печатаем первую половину тетради.

И. В. Кульганек

Раздумья Стихи (1923—1938)

(Монголия. Тень Монголии. Любовь. Смерть. Отдых в пути. Раздумья. О, родина моя любимая!)

В даль!

Хорошо из двери вагона
Под барабан дождя
Глядеть на зеленые склоны,
Убегающие поля

И на чахлый хвойный подлесок,
Который скуден и мил,
Который я с самого детства
По-родному грустно любил.

Хорошо, что, нежно алая,
Ласковым цветом маяя,
Как свечи горят кипреи,
Провожающие меня.

Хорошо, что все мы, как дети,
Выпущенные из тюрьмы,
Хорошо, что наш предводитель
Такой же бродяга, как мы.

На вокзале красные розы,
Истрадавшееся лицо,
Невыплаканные слезы
И золотое кольцо.

Оно расскажет мне скоро,
Прав я был или нет,
Что еду в далекие горы,
От любимой еду в Тибет.

В грязном визжащем вагоне
Ящички, сумы, тюки.
Куда-то их всех загонит
Игра незримой руки!

Рядом со мной винтовка,
Из которой мне, может быть,
Придется вражий череп
Выстрелом раздробить.

А, быть может, я своим телом
Придавлю горячий песок,
И друзья полотенцем белым
Закроют пробитый висок.

Но не страшно, и сладко думать,
Что в честном мужском бою
Сам Михаил Архангел
Примет душу мою.

Я не знал, не знаю, что слаже,
Целовать ли губы милой,
Иль на самом пустынном кряже
Найти каменную могилу.

Дороги жизни капризны,
Но один исток у них —
Нас зовут голоса отчизны,
Позабытой в полях земных.

Хорошо из двери вагона
Под барабан дождя
Смотреть на зеленые склоны,
Уплывающие поля.

И знать, что суровые страны
Нам придется вместе пройти
Исчезающим караваном,
По неведомому пути!

*Северная ж. д. Урал. Зап. Сибирь
На дежурстве в вагоне. 27—28 июля 1923 г.*

Караван

По выжженному косогору
Змеей вползает на дабан,
С трудом одолевая гору,
Громоздкий пестрый караван.

Как радостно смотреть с подводы
На горы в позднем сентябре!
Темно-зеленые разводы
На пламенеющем ковре.

Нам медленно плывут навстречу,
Расцветивая каждый склон,
Берез оранжевые свечи
И сосен вечный халцедон.

На переломе перевала
Обо указывает путь.
О, сколько ног здесь отдыхало!
Здесь так отрадно отдохнуть!

Затейливые амулеты,
Обломки дерева, костей,
Лоскутья, медные монеты
На грудке сложенных камней.

Все это набожные руки
Безвестных странников земли
На обнаженный гребень дикий
Благоговейно принесли.

Когда просторную долину
Наполняют тени темнотой,
Обо, как некий страж вершины
Горит вечерней красотой.

О путник! Уходя отсюда
Обычая не позабудь:
Брось легкий камень в эту грудку,
И будет радостен твой путь!

*р. Иро. Дорога из Кяхты в Ургу.
29 сентября — 4 октября 1923 г., 8 января 1924 г.*

Путник

О вы, монгольские просторы,
Холмы и доли без людей,
Размашистые косогоры,
Безводие пустых полей!

Пришла душистая прохлада,
Погасли угли от костра,
Слова умолкли, сердце радо,
Темно и тихо до утра.

Как высоко горят Плеяды!
И Сириус, Звезда любви,
Зажег полночную лампаду
Над гребнем, брезжащим в дали.

Молось, да будет меч мой звонок,
Рука тверда, душа нежна,
Пусть самый маленький ребенок
Не отвернется от меня.

Я не просил даров случайных
У неба. Я хотел найти
Отраду посоха истертого
И страннического пути.

Исполнились земные чаянья —
Ночное небо надо мной
Раскинулось — шатер того,
Кто позабыл, где кров родной.

*р. Хара. Путь из Кяхты в Ургу.
30 сентября, 2 октября 1923 г., 9 января 1925 г.*

Ночное

Когда оранжевый костер
Погаснет в западных просторах
И отсверкают гребни гор
Последним пламенным узором,
А в небе, чистом, как нефрит,
Зажжется древний знак молчанья
И славу солнца претворит
В нежнейшее очарованье, —

Тогда по улицам глухим,
По площадям пустым и пыльным
Тоскою прежнею томим
Пойду бродить в ночи всесильной.

Ночь! Ты даешь отраду мне,
Такую старую отраду —
Бродить в морозной тишине,
Смотреть на звездные лампы,
И думать, что весь пестрый звон,
И гам, и суета дневная, —
Назойливый, нелепый сон
Пустынного глухого края.

Урга! Раскрашенный волан!
Ты здесь упал, как гость незванный
Заброшенный из дальних стран
Неосторожным великаном.

Урга. Ноябрь-декабрь 1923 г., январь 1924 г.

Тэс

Синей змеею Тэс
Врезан в тело земли.
Звонкий осенний лес
Желтым светом залит.

Лиственница рядит
Темные склоны гор
В топазово-хризолитовый
Драгоценный убор.

Пестрые табуны
Бродят по берегам.
Над белыми юртами дым,
Синий дым очага.

В благодатную тишину
Небо роняет свет.
Здесь хорошо уснуть,
Покойнее места нет!

Все это видел я —
Уроженец финских болот.
Думал: дружат земля
И этот странный народ,

Который, словно во сне,
Молится и поет,

Который на коне,
Как птица: поскок — полет!

Солнце упало вдали
За окровавленный лес.
Ползет по телу земли
Огненным змеем Тэс.

1928 г.

Весна в Кентэе

Отяжелевшие покровы
Мешают скованной земле.
Она проснулась и готова
Разрушить вынужденный плен.

И силится оковы сбросить,
И звучно в чистый воздух лет
Веселое разноголосье
В долины рвущихся ручьев.

В тайге шумит тревожный ветер,
Он гость, он с юга, он привык,
Чтоб каждый кедр ему ответил
Кивком лохматой головы.

Широколапыми ветвями
Хватает медная сосна
Густую синь. Сейчас нагрянет
Молниеносная весна!

А в небе облака, как пена.
Они немые, но подожди —
Обрушатся на мир изменой
В громах шумящие дожди.

Вскипят ручьи, взревет стремнины,
Стозвонный гул наполнит лес,
Когда на доли и вершины
Прольется чистый сок небес.

Истают белые отрепья,
Заблещет влажная трава,
Зеленое великолепье
Вступает в древние права!

Если тебе придется, странник,
Увидеть этот пир стихийный —
Молчи! Отринь с негодованьем
Высокопарные стихи.

Пулково. Январь 1931 г.

Встреча

По склонам гор близ Керулена,
Разматывая ленту миль,
Ползет, как черное полено,
Бесформенный автомобиль.
Мотор, как зверь, ворчит и воет,
Он недоволен, он устал,
Он хочет ночи и покоя,
А не ползти на перевал.

Стальное пересохло горло,
Горит нутро, в груди комок,
И пасть с шипеньем пар исторгла
На перегибе меж холмов.

Конечно, не легка дорога,
Здесь горы, а не ипподром!
Вливаем в алчную утробу
Воды запасное ведро.

И, успокоенно замолкнув,
Чудовище сползает с гор,
Бежит проворным бегемотом
На пятна голубых озер.

Там, в светлом мареве заката
Застыло стадо антилоп,
Они легки, почти крылаты,
Как шорох ветра их галоп.

Необъяснимое виденье
Смутило робкие сердца,
Недвижно распростерлись тени
На чистой глади озера.

В древнейших воспоминаньях,
Какне каждый зверь хранит,
Не сохранилось указаний
На этот запах, этот вид.

Огромный, темный, онемелый,
Влача раздувшийся живот,
Плавно подрагивая телом,
Как по воде пришлец плывет.

И вдруг земли покой великий
И благодная тишина
Разбиты трубным, хриплым криком,
Ревом взбешенного слона.

Как вскинулись! Казалось, птицы
Летят над желтою травой,
А золотая пыль клубится
За ними дрожью ветровой.

Вот холм дугою обогнули,
Вот скрылись за грядой скорей,
А всплески пыли потонули
В мутно-оранжевой заре.

Бесцеремонными гостями
Захвачен редкий водопой.
Они соскакивают наземь
Веселой шумною толпой.

Но выючный зверь стоит понуро:
В стальных костях нашли изъян
Властители, в нелепых шураках
Похожие на обезьян.

Пулково. 4 февраля 1931 г.

В тайге

Дверь палатки откинута,
Выйди, прекрасная ночь,
Свежий запах кедра,
Прохладное дыхание трав!

Лес сомкнут темной стеной,
Но ближние деревья освещены.
Я вижу вспышки огня
На тихих мохнатых ветках,
А над лохматыми вершинами
Крупные влажные звезды.

У костра из толстых кряжей
Сидит шарообразный Чухломин.
Он кашляет, курит ганзу
И прислушивается к звону ботал
На соседнем крутом увале.

«Только бы не ушли далеко,
Проклятые, взбалмошные твари!» —

Думает, наверное, Чухломин
И, кряхтя, заворачивается в шубу.
Огонь понемногу гаснет,
Но уголья тлеют до утра.

До конца своих дней не забуду
Вот этих самых ночей!

Уло

Монголия

На горах просторных кедры зеленые,
По увалам широким изюбри бродят.

Золотым степям нет конца-краю,
Нет преград песне привольной.

По долинам светлым реки прохладные,
Под солнцем в небе снега алмазные.

В лесах густых озера глубокие,
В ночи черной тишина звездная.

О, родина моя любимая!

Москва. 2 ноября 1935 г. (Сан Тянь Дин)

Мальчику в день его рождения

Когда, как огненный ветер,
В шестивии гаснущих дней
Первый горестный вечер
Запылает в душе твоей, —

Тогда, одинокий, вспомни,
Нежно вспомни леса,
В вуали палевой, вспомни
Суцзуктинские небеса.

Как ты шел домой на закате
Шестнадцатого октября
И твое освещала платье
Изумительная заря.

Вспомни все: хребты и доли,
Нежный лиловый свет,
В лесу затерянный домик
И свои девятнадцать лет.

Подумай, как ты был беден
И как ты был богат!
Как скуден и как свободен
Юношеский наряд.

О, вспомни истлевшие годы,
Свой неведующий покой,
Вернись в сгоревшие годы
Всей засиявшей тоской, —

Когда, как огненный ветер,
В мельканье гаснущих дней
Первый горестный вечер
Запылает в душе твоей.

*Суц Зу Ктэ. 16 октября 1924 г.
(Написано по случаю дня рождения Кожсика Даниленко.
К. Даниленко умер в августе 1931 г.)*

Успокоение

Под темным лесом Богдо-улы
Струится светлая река.
В ней прошлым летом утонула
Возлюбленная старика.

Старик сидит у двери юрты
И камнем смотрит на закат,
Куда сгоняет ветер гуртом
Оранжевые облака.

Он видит краски, ключья ваты,
Он думает: небесный скот,
Такой упитанный, лохматый,
В вечерний час домой бредет.

Вон красный бык, сарлык косматый,
Точь-в-точь был у его отца,
Здесь розовые верблюжата,
А выше белая овца.

Невидимы ночные страны.
Там, где на страже Злой Дракон,
Возлюбленная Тенгри-Хана
Запрет небесный скот в загон.

Над черным лесом Богдо-улы
Прорезал небо острый серп.
Прохладная река вздохнула
Дыханьем прибрежных верб.

Старик заплакал. На колени
Склонилась тихо голова,
А осторожные олени
Бесшумно вышли на увал.

Они тихи, как дети ночи,
А ночь тиха, нежна, как мать,
Которой нужно сон непрочный
Детей усталых охранять.

Успокоение ночное
Исходит от немой горы,
Оно уснувшему откроет
Отдохновенные дары.

Уланбатор. Ноябрь 1929 г.

Разлука

Трепещет маленький платок
Крылом подбитой птицы.
Друг уезжает на восток
И вряд ли возвратится.

Дыханье паровоза
Исполнено угроз.

А из вагонного окна
Рука кивает шляпой
Вдоль каменного полотна
На уходящий запад.

Угрюмый мрак вокзала
Добра не предвещал.

Трепещет беленький платок
Крылом весенней птицы.
Друг, уезжавший на восток,
Сегодня возвратится.

Дыханье паровоза,
Как клумбы белых роз.

А из вагонного окна
Рука кивает шляпой
Вдоль каменного полотна
На вожделенный запад.

Прохладный мрак вокзала
Блаженство предвещал.

О дети, в горестные дни
Живите веселее,
Не стойте как тупые пни
По сторонам аллеи.
Иначе вас усталыми
Час радости застанет.

Москва. 17—18 апреля 1931 г.

Воспоминание

По искривленным переулкам
Я вышел на Тверской бульвар
В пустынный час глухой и гулкий,
На дальней башне било два.

Над головою было небо
И груды рваных облаков.
Дома молчали словно ребус
Для утомленных дураков.

Измызганные пятна снега
Лежали на больной траве.
Стучала грузная телега
В усталой, пьяной голове.

И всхлипывала под ногами
Людьми заплеванная грязь,
Над ней холодная нагая
Чернела липовая вязь.

И вдруг я вспомнил уязвленный,
Что в мире, где парит луна,
Есть для уродством оскорбленных
Неповторимая страна.

Я вспомнил с преданной любовью
Кентэй далекий, где леса
Зеленым хором славословят
Индиговые небеса,

Где осенью земное лоно
Льет запах нежный и густой,
А снег горит на горных склонах
Неомраченной чистотой.

Блажен, кто в медленном раздумье
Воспоминаний горький пыл
И яростных страстей безумье
В простую радость превратил.

Кто, не допив до дна бокала,
Познал, что темное вино
От самых зорких глаз скрывало
Слепое и глухое дно.

Москва. 17—18 апреля 1932 г.

Прощание Поэма

Лихорадка била и трепала меня,
Трамваи визжали, как звери.
Прыгали звезды. С лязгом, гремя,
Распахнулась в комнату дверь.

Копытами медными гулко стуча,
Горбатый рыжий козел,
Громадный — до моего плеча —
Головой мотая, вошел.

Как тлеющий уголь мерцают глаза,
Борода подметает пол.
На спине, точно вкованный в козла,
Старый меднолицый монгол.

Сверкают: синего шелка халат
И огненный малахай.
Из темных орбит пронзительный взгляд
Зарницами полыхает.

Душный ветер, подобно смерчу,
Меня обжигает вдруг.
Я задыхаюсь, я кричу:
«Хунхур, товарищ, друг!

Дай мне тебя расцеловать
Ты вспомнил, нашел меня!»
Но гвоздями прибита голова,
И рук не могу я поднять.

«Здравствуй, дарга! — Лобсан говорит,
Знаменитый хурчи Лобсан. —
Видели мы четыре зари
На пути из далеких стран.

В звездной тишине гобийской ночи
Был услышан твой смертный бред.
Барсом на Тонгора я вскочил,
Взвился огненный след.

Дважды солнце обгоняло нас,
Дважды душила тьма,
Но Тонгор, рыжея как луна
Облака копытами мял.

Он перепрыгнул через Косогол,
Ударами медных ног
Считал голтун Алтая, Танну-олы,
Откидывая их на восток.

Как по небу скользящая звезда
Мы летели над телом земли.
Навстречу вставали города,
Тайга потонула вдали.

Смотри, на исходе третья ночь,
Мы здесь и готовы к пути.
Едем! Домчим тебя, куда хочешь!
Нет времени ждать! Летим!»

Лобсан, я встану сейчас, Лобсан,
И ты меня унеси
В зеленоголовые леса
К истокам дикой Меньзи.

Там озеро есть в теснинах гор,
Скалы его берегут.
Черное озеро — Хара-нор —
Я спал на его берегу.

Лосями песок истоптан был,
Над палаткой вздыхали кедры,
Сторожами гранитные столбы
Выступали из водных недр.

Ответил Лобсан: «Пришла беда,
Хара-нора нет — он исчез.
В глубинные трещины скрылась вода,
И в провал обрушился лес.

И лоси покинули те места,
И крик сарыча замолк,
И тщетно ищет оленьих стад
Одинокий голодный волк».

«Лобсан, Лобсан, унеси меня
На склоны священной горы,
Туда, где в весеннем лесу звенят
Пчелы, шмели, комары.

Положи меня на опушке лесной
В лиственную тень,
Мы будем молчать, как молчит весной
Угасающий в небе день.

Наступит вечер. Лиловый покой
К раскаленной прильнет голове.
Я буду тих, как туман над рекой,
Как роса на тонкой траве».

Промолвил Лобсан: «Леса горят
На священной горе, дарга,
Скрючив черные пальцы, стоят
Пни, белеют рога.

Пламя лохматым языком
Слизнуло твою постель,
И Тола иссякла, и надгробным холмом
Богдо-ула прижала степь».

«Лобсан, Лобсан, полетим с тобой
К Отхон-Тенгри, в Хангай.
Вижу последнее это,
За которым вечны снега.

Помнишь, как ты меня провожал
В опасный, жестокий путь,
На перевале мне руку сжал,
Потом положил на грудь.

О, как хотел бы я вновь пройти
Белым трудным путем —
Пропасть справа, слева блестят
Мавзолеем снежный холм».

Лобсан сказал: «Великий обвал
Разрушил тело горы.
Он гребень вершинный разорвал,
Скалистые выступы скрыл.

От купола отделены хребты,
В бездне глыбы камней,
Первым взошел на вершину ты,
Был последним на ней!

Смотри! Расплывается, тает ночь,
Я здесь и готов к пути.
Выбери место. Домчу, куда хочешь!
Нет времени ждать! Летим!»

«Лобсан, умчи меня в сердце Кентэл,
Я готов на вечный плен
В делях, где шелестом горных ключей
Зарождается Керулен.

Мне душно и тяжело. В глазах темно.
Раскалывается голова.
Отнеси меня в лог, где нефритовым сном
Спит охотник Гава.

Там травы прохладны, недвижим лес,
Там каменная тишина.
На черные скалы мертвый блеск
Роняет в полночь луна.

Но под сводами кедров тихий свет
По стволам и ветвям разлит.
Луной напоенный в высокой траве
Вождь светозарный стоит.

Взгляд его светел, и строен стан,
И нежные руки ясны.
Славен хранитель оленьих стран,
Сын лесов и луны.

У ног его лечь и все забыть
Дни, недели, года...
Прильнуть к холодным стопам и закрыть,
Глаза закрыть навсегда».

Лобсан сказал: «Охотник Мухор
Вырвал себе волоса,
Видя как с заповедных гор
Ушли вековые леса.

В ночь седьмую луны седьмой
Над Кентзем вдаль понеслись
Шорох, и треск, и грохот глухой,
И скрежет взрытой земли.

Сосны, ели, громады пихт,
Широковетвистые кедры,
Вырвали слоновые корни свои
Из темных скалистых недр.

И зашагали зеленой толпой
На север по гребню хребта,
И скалы дробили тяжелой пятой,
И громом обвал рокотал.

А за ними бежали впопыхах
Изюбранные табуны,
Унося на ветвистых своих рогах
Осколки медной луны.

И впереди оленьей толпы,
Едва касаясь трав,
Шел, словно по воздуху плыл,
Хранитель изюбрей — Гава.

И жизнь покинула те места,
И коршуна крик замолок,
И тщетно ищет оленьи стада
Голодный лохматый волк».

«Лобсан! — вскричал я. — А где друзья,
Спутники славных лет?
Я знаю они не забыли меня,
Встретим с ними рассвет!

Где круглый Чухломин — веселый медведь, —
По тропам каким шагает,
Сладкоголосый Люндун где,
Где старик Намзарой?»

Ответил Лобсан: «Не дано мне знать
Где они, знаю лишь то:
Если станешь друзей по имени звать,
Не ответит тебе никто.

Ночью осенней в вершине Иро
Как зверь кричал человек.
Солнце увидело шерсть, кровь
И сломанный нож в траве.

На Тальире, с хищным оскалом рта
Косматый хангайский пес
Певца окровавленную гортань
В капкане челюстей нес.

Выдра видела, как на Ононе
Из воды взметнулась рука
И над пеной порогов в хриплом стоне
Рухнула жизнь старика.

А ты приготовил место себе
В глубоком темном дому,
Никто не смеет им завладеть,
Его для тебя стерегут.

Ты потревожил, дерзкий пришелец,
Двухтысячелетний сон
Тех, чей покой в могильной земле
Охранял Нонн-ульский склон.

Никто, никто из лесных друзей
Не ответит на зов, дарга,
Но кости властительных князей
Ждут тебя в тесных гробах!»

Ветер ударил в окно тараном,
Я вскрикнул: «Туда, монгол!»
Распахнулись рамы, вздрогнул Лобсан,
«Поздно!» — взревел козел.

По зеленому небу рыжим огнем
Сползла на крышу звезда.
Заря набухла ненужным днем.
Я — один — умереть опоздал.

Завыли трамваи, в уши плыл
Металла скрежет и звон....
Черною тиною глаза забил
Липкий, тяжелый сон.

На закате, когда оживает дом,
Телефонный звон разбудил.
Проснулся мертвым, с холодным лбом
И с железным сердцем в груди.

Москва. Октябрь-ноябрь 1938 г.

Закончена 26 ноября.

«Прощание» — как бы послесловие к поэме «Гава» (1924—1925)

Любовь

«Облик бессмертной тоскою
Преходящую темную страсть».

«Дорога пролилась рекою
В неведомое море.
Я нес с собою далеко
Мою любовь и горе».

Дыханье земли

На плече твоём я дремал, дорогая,
Темной ночью, высоко в горах.
Ветер выл и свистел в кедровнике,
Плясало пламя костра за палаткой,
А стенки ее напряглись, как парус;
Казалось: вихрь взметнет
И швырнет нас в черную бездну.

Бесприютны ночи такие в горах!
Земля породила их, та же земля,
Что взрастила и чахлые кедры под осыпью,
И замшелые камни, и крутящийся снег
(Шелестящий, шуршащий по крыше палатки),
И милое тело твоё.

Ты дышала во сне так глубоко и тихо,
Сердце в груди твоей билось ясно и ровно.
Я подумал: доверчивый сон не нарушит природа,
Ни камни, ни ветер не обидят тебя,
Что так просто, по-детски, вручила дыханье свое
Дыханью земли.

Уланбатор. 27 ноября 1927 г.

Следы и знаки

Туманом мутных вожделений
Окутало больное тело.
В одно сливает темный гений
Плоть и надземные пределы.

Но вот душа летит из мрака,
И выступают все ясней
На небе огненные знаки,
И на земле — следы зверей.

Уланбатор. 2 декабря 1927 г.

Даль зовет (1)

Ты, улыбаясь, мне сказала:
«Смотри, как рдеют облака
В закатной чаше из опала,
Как даль чиста и глубока!»

А я подумал с темным гневом:
«Пленительно пылает вечер,
Но мне желанней видеть, дева,
Блеск обнаженных Ваших плеч».

Ты, горько плача, говорила:
«Не покидай! В грядущих днях
Клубится мрак. Какие силы
Тебя уводят от меня»

Я золотые косы трогал
И думал: «Ты жесток и груб,
Но незнакомая дорога
Влечет властней знакомых губ».

1928 г.

Прощание друзей

Нальем последний стакан вина,
Прощаться надо, ночь холодна.

И песню в последний раз споем,
Старую песню запьем вином.

«Плывут облака, пылает река,
Плывут, бегут корабли на закат.

Земля, как отцветающий сад,
Пурпурные дрожат паруса.

А с востока бесшумный мчится мрак,
Ночь лежит — чернокрылый враг.

Но паруса обгоняют ночь.
Ветер ревет. Руль прочь!

И плавно взмывают корабли
Над телом отверженной земли.

Золотогрудые паруса
Навстречу солнцу лебедями летят.

И, едва окунувшись в алую кровь,
Солнце поднимается вновь.

По предначертанному пути
Оно не может больше идти.

Оно повисло в горной дали,
Приветствуя вестников земли».

Вот эту песню, друзья, споем,
Нальем последний стакан огнем.

Ибо, пока не сомкнется круг,
Не увидят друг друга друг и друг.

И да будет эта песня крепка,
Как смерть и дружеская рука.

Москва. 18 апреля 1932 г.

Тебе

Хочешь ты или не хочешь,
Придет последний вечер.
Любишь или не любишь,
Настанет время расстаться.

Душа потеряет душу.
Зажжется новое утро.
Ты будешь молчать и плакать,
Или я это буду делать.

Люди плачут, как дети,
От скуки, обиды и боли,
От лишений и темного страха;
Это — детские слезы.

Но есть иные слезы,
Которыми плачут люди:
Светлой рекой уходят
В неизвестные страны.

Если мы не увидим
Этих стран далеких,
Родины нашей милой,
Значит, напрасна жизнь.

Значит, напрасно смертным
Смотреть в октябре на закаты,
Уходить в леса и горы,
Молиться в сырых пещерах.

Значит, напрасно люди
Принимали обеты будды,
И напрасно себя распинали
Мученики на крестах.

Значит, напрасно Вагнер
Написал «Тристан и Изольду»,
Облек бессмертной тоскою
Преходящую темную страсть.

И тебя, любимый друг мой,
Тебя я напрасно встретил,
Если мы не покинем землю
Светлой рекою слез.

О, верь, пойми, дорогая,
Что под брэнною маской тела
Небожители мы с тобою,
Что смерть это путь в любовь.

Вот ворота большого мира
За ними наша отчизна.
К ней стремится свои струи
Блещущая река.

Если тебе придется
Пережить последний вечер,
Вспомнить меня, дорогая,
И что я ушел от тебя,

Встреть восходящее солнце
Радостными слезами.
Ибо вот приблизились строки
Нашей встречи в любви.

Уланбатор. Март 1927 г. Пулково. 10 ноября 1930 г.

Капитан-убийца Английская баллада

Над замком полощет праздничный флаг.
Во Славу шестого венчанья
Капитан пригласил пропойца, бродяг
На безудержное пированье.

По тяжелым столам разлеглись кабаны
Среди стаи душистых фазанов.
Краснолицые гости отменно пьяны,
Но не молкнет беседа стаканов.

Бургундское, виски и дедовский эль
Разливают в отравленных венах
Вождельные, веселье бесовское. Хмель
Накипает стремительной пеной.

Капитан неспешно пьет огненный грог.
В предвкушеньи грядущей ночи,
Как повар — ножи, о кабанье ребро
Свои острые зубы он точит.

И временами пристальный взгляд
На красотку свою бросает, —
Нежную шею подвенечный наряд
То скроет, то раскрывает.

Кровавые розы, и мак, и пион
О многом подумать заставят.
Щеки невесты и губы ее
Пылают вместе с цветами.

«О милорд! Почему столько красных цветов?» —
Вопрошает смущенно невеста.
Смеется хозяин: «Парник не готов,
А для лилий в теплице нет места!

Эти розы, как кровь, чтоб твой пыл не остыл,
Прижми к ним губы, милашка!
Но у вас называется это — цветы,
А у нас — гарнир для барашка!»

И хор заревел: «Эти розы, как ты,
Попрощайся с ними, бедняжка!
Но у дам называется это — цветы,
А у нас — гарнир для барашка!»

Ощерились разодранные кабаны
На пурпурный рот капитана.
Невеста бледнеет. Гости пьяны.
Словно кости стучат стаканы.

Москва. 27 ноября 1938 г.

Даль зовет (2)

Ты хороша издалека,
Как перистые облака,
Как полотняный кипарис,
Растущий в глубине кулис.

А Зоя хороша вблизи,
Как ладожский копченый сиг —
Жирна, безмолвна и нежна,
Судьбой на блюде подана.

Но съел сига — и нет сига,
А ты недосыгаема!

Так бегемот, набив травой
Живот, любитесь луной.

Москва. 14 ноября 1938 г.

Осень Баллада

Трава от долгого дождя
Пригнулась и намокла,
А тополь ветками стучал
В заплаканые стекла.

Растрепанные облака
Под низким серым сводом

Пытались грудью приласкать
Сады и огороды.

Была осенняя вода
В глазах твоих, Катюша,
Когда любимый, опоздав,
Непрочный сон нарушил.

Скользнула с теплого плеча
Рубашка, грудь намокла,
А тополь ветками стучал
В заплаканые стекла.

«Легко губами осушить
Невысохшие слезы!»
Сказала ты: «Труднее жить
Осидам и березам.

Ты посмотри, как за окном
Они мокры и наги.
Пойди, накрой их колпаком
Из ситца или бумаги!

Не можешь! Ну тогда беги
И выпей с листьев воду,
Иначе пусть твоей ноги
Не будет здесь у входа!»

Любимый затрубил отбой:
«Коль выпью, стану бочкой
И лопну, а у нас с тобой
Есть маленькая дочка.

А если я и опоздал,
Тому виной погода:
Такой грязищи не видал
Уже четыре года».

Довольная, но не совсем
Сердитая для виду,
Катюша выместила все
Любовные обиды.

А он, как виноватый пес,
Уткнувший морду в лапы,
Лежал и Катиных волос
Вдыхал душистый запах.

Но вот нисходит благодать!
Любимому (немножко) *
Разрешено поцеловать
Обиженные ножки.

Трещала утлая кровать,
Поскрипывая хрипло,
А за окном седея муть
К сырой земле прилипла.

Как одеяло мглу влача,
Спускался сумрак блеклый,
И тополь ветками стучал
В заплаканые стекла.

И ветер, как бездомный зверь,
Бродил и выл по далям.
А милые, прихлопнув дверь,
В неверном сне вздыхали.

Подсматривать нехорошо.
Но я подслушал все же,
Как он персидским порошком
Перчил большое ложе.

Потом чихали невпопад,
Потом опять заснули,

Она во сне пошла в театр,
А он гостил у Юли.

Но за окном гудела тьма —
Я это слышал тоже,
И тополь жался у окна,
На пьяного похожий.

Как тяжело тащила ночь
Сырое покрывало!
И ветер ей не мог помочь,
И я не мог нимало.

В час, когда дьяволы ветров
Свои псалмы запели,
Иван Михайлович Петров
Ловил клопов в постели.

Он собирался выйти в сад,
Но подождал немножко,
Пока кусала Катин зад
Прожорливая блошка.

Иван Михайлович притих,
Был мстительно доволен,
Что прелесть нежную настиг
Укол тончайшей боли.

Жестокость в милых пустяках
Пленительней улыбки,
Так поднимите ваш стакан
За легкие ошибки!

Как тяжело влачила ночь
Седое покрывало!
И ветер ей не мог помочь,
И я не мог нимало.

Густая вязкая земля
Везде насквозь промокла,
И все стучали тополя
В заплаканные стекла.

«Не дай мне бог сойти с ума!»
Не дай погибнуть, боже!
В такую ночь гнилой туман
Опасен для прохожих.

Казалось, темные леса
Издалека кричали,
И ветер нес их голоса
В пронзительные дали.

Шумело сердце, как прибой,
Потом в бреду запело,
И вдруг, словно рванувшись в бой,
Слезами закипело.

На утро синий шелк небес
Был тщательно просушен.
Любимый за грибами в лес
Ушел, а вот Катюша....

Катюша, платье подоткнув,
Возилась в мокрых грядках,
Поглядывая на окно
Лукавою украдкой.

Как пахла влажная земля!
Как ярко клены рдели!
Как неподвижно тополя
В стеклянный пруд глядели!

Ты принесла домой морковь,
Когда я кончил бриться,

И тщетно прятала любовь
В тенистые ресницы.

Прохожий должен проходить,
Но медлил я невольно,
Как будто тоненькую нить
Порвать мне было больно.

Я позавидовал тебе
И славному Ивану —
Тебе не хочется в Тибет
Или в другие страны.

Ты ночи диким голосам
Внимаешь равнодушно,
Отдаривая небеса
Уютным простодушьем.

Когда постель я убирал,
Взбив мягкую подушку,
Твоя дочурка принесла
Мне теплую ватрушку.

Она похожа на тебя,
Но больше на Ивана,
Сидела, молча теребя
Бахромку у дивана.

Я вскинул на плечи мешок,
Когда косые тени
Лизнули медленно песок
У сгорбленной ступени.

Дорога пролилась рекой
В неведомое море.
Я нес с собою далеко
Мою любовь и горе.

Ленинград. 30 сентября 1936 г.

Лето

Испанская баллада

Где дуб раскинул крону
Над нежною травой,
В тени листья зеленой
Лежали мы с тобой.

Над нами птичка пела,
Карабкались жуки
По плоскогорьям тела
И по холмам руки.

Неторопливо мерил
Зеленый червячок
Пушистую поверхность
Твоих погасших щек.

И бабочка садилась
На пролитую кровь,
И крылышки сводила
И разводила вновь.

Огни и дым заката,
Удвоившись в реке,
Задели кольт, зажатый
В оторванной руке.

Я был навывлет ранен.
К тебе спустилась ночь,
Как долгожданный странник,
Как ласковая дочь.

Мы, как колосья, пали
На золотой земле,

Чтоб мирно дозревали
Хлеба родных полей.

Бежал, изнемогая
От боевых потерь,
Взрывая луг ногами,
Четырехрогий зверь.

Тяжелый гул и грохот
Стихали за рекой.
Кровая охота
Промчалась далеко.

Там, где рвалась в лохмотья
Одежда тополей,

Где хищные пилоты
Кромсали плоть полей,

Где дуб раскинул крону
Над смятою травой,
В тени листвы зеленой
Лежали мы с тобой.

Лежали и молчали,
Глаза к земле склоня
И ничего не ждали
От завтрашнего дня.

Ленинград—Петергоф. 9—10 июня 1937 г.

(Продолжение следует)